

Номо expertus как социокультурный феномен современности

© И.А. Щеглов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Поднят вопрос о природе Номо expertus как символе экспертной культуры современности. Изложено авторское понимание феномена Номо expertus, выделены входящие в него линейки — Номо expertus ordinarius и Номо expertus publicus с присущими им группами понятий. Проанализирован понятийно-смысловой контент расширительных интерпретаций термина «эксперт». Представлено отличие понятий «эксперт из народа» и «народный эксперт», осмысление слова «эксперт-крат». Изложен авторский взгляд на феномен Номо expertus, возникший в результате симбиоза популяризации общественного мнения и услугуцентрированного отношения к реальности со стороны граждан, трансформировавшегося из идеологии потребления Номо esopoticus. Охарактеризовано состояние современной экспертной культуры, в которой Номо expertus успешно пользуется ценностным спросом на рынке мнений и услуг. Сделан вывод, что сложившаяся экспертная культура слабо поддерживает статус ответственного лица.

Ключевые слова: *Номо expertus, Номо expertus ordinarius, Номо expertus publicus, эксперт из народа, народный эксперт, эксперт-крат, экспертная культура, общество знания*

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена появлением в XXI в. экспертной культуры, выдвигающей на первый план роль общественного, а вместе с ним и авторитетного мнения, а также возникновением запроса на фильтрационный механизм информационного загрязнения, связанного со становлением общества знания. Понятие «эксперт» рассматривается в современном научном знании в правовом (т. е. классическом) и расширительном значениях; с последним автор статьи связывает феномен Номо expertus.

Экспертиза (фр. expertise, происходит от лат. expertus — опытный, сведущий) в английском языке имеет значения examination (обследование), inspection (проверка). По сути, эксперт (expert) — экзаменатор (examiner), проверяющий, человек, который проводит обследование.

Эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями в той или иной области, соответствующими компетенциями, привлекаемое для

производства экспертизы с последующим представлением мотивированного заключения по поставленным вопросам.

В отечественной научной литературе последних десятилетий имеет место «размывание границ понятия “экспертиза”» [1, с. 18], что привело к отрыву от классической экспертизы, проводимой на профессиональной основе. Термин «эксперт» на фоне роста спроса и моды на него используется в настоящее время в разных значениях. Наблюдается «искажение сущности экспертизы как процессуально-правового института... использование ее авторитета в коммерческих целях» [2].

Homo expertus — субъект мнения, суждения, а также оценки, в том числе и влиятельной. *Homo expertus* — социокультурный феномен современности, продукт экспертного плюрализма, знаковый атрибут повседневных практик. Анализ данного феномена позволил выделить внутри него две линейки и связанные с ними группы понятий.

1. *Homo expertus ordinarius*, объединяющий понятия «эксперт из народа», «массовый эксперт», «знаток» и иные их модификации.

В последнее десятилетие актуальность обретает «народная экспертиза», понимаемая как разновидность социального контроля, форма диалога между гражданином и властью. Общественное мнение, народная оценка, народное онлайн-голосование — атрибуты народной экспертизы. Однако в отношении значений терминов из ряда *Homo expertus* имеет место неопределенность.

Возникает вопрос: можно ли употреблять понятия «эксперт из народа» и «народный эксперт» как тождественные? Научные публикации по народной экспертизе содержат неоднозначное видение данного социального феномена.

Т.М. Лукьянова рассматривает народную экспертизу на базе реализации проекта «Формирование региональной модели государственного управления посредством народной экспертизы» как разновидность коммуникационной модели взаимодействия власти и общества, призванной привлечь население к формированию и обсуждению ключевых вопросов развития региона [3].

И.А. Быков также исследует народную экспертизу в рамках публичных коммуникаций общества и власти на основе цифровых платформ. В выводах автор констатирует следующее: публичные коммуникации отличаются своей ограниченностью и существенно затруднены бюрократическими правилами, апелляциями к юридическим процедурам, приемами манипулятивной подачи информации [4, с. 45].

В.И. Ерыгина на основе выделенных ею совпадений народной экспертизы с общественной настаивает на целесообразности «закондательно закрепить данную форму общественного контроля в Федеральном законе “Об основах общественного контроля в Россий-

ской Федерации” или в новом законе “Об экспертной деятельности в Российской Федерации”» [5, с. 297].

Из приведенного Ерыгиной сравнительного экскурса общественной и народной экспертиз, выступающих разновидностью социального контроля и формой участия граждан в управлении делами государства, возникает вопрос о функциональной значимости народного эксперта в правовой перспективе. Общественная и народная экспертизы сегодня отличаются содержательно и по субъектному составу. Эксперт из народа — реальное лицо, несущее на себе определенный функционал. Какие принципиальные изменения ожидаются от утверждения правового статуса указанной категории экспертов?

Т.В. Шмелева дает обыденное понимание народной экспертизы, субъект которой — стихийно рефлексирующий житель [6]. Ю.А. Васерчук и Р.Г. Куценко рассматривают народную экспертизу через пространство коммуникации в социальных сетях [7], которое отличается от публичных коммуникаций на базе цифровых платформ государственного управления. О.А. Оберемко и И.И. Иванова наряду с понятием «народная экспертиза» используют словосочетание «массовая экспертиза», объясняя это следующим: «Предполагалось, что в выборке “народных экспертов” можно будет видеть репрезентацию активной и сведущей в общественных делах части населения; планировалось получить срез мнений “общественности”, или “просвещенной публики”». В результате проведенного авторами исследования «по характеру участия и стилю обсуждения вместо “общественности” была скорее получена репрезентация “массы”», что привело к употреблению понятий «сообщество массовой экспертизы», «массовый эксперт» [8, с. 6].

Результаты исследования платформы «Народная экспертиза» показали, что практика коммуникации на ней сильно отличается «от идеалов публичной демократической коммуникации». Наиболее характерными отличиями стали проблемный и «изолированный характер коммуникаций между гражданами и властью» [4, с. 51, 52]. Публичная коммуникация — это определенный сценарий взаимодействия, форма социальной коммуникации. Она предполагает установленный социальный статус вовлеченных в нее лиц, а также формат, принципы, правила взаимодействия.

Экспертиза в форме общественного диалога должна быть законодательно закреплена, его участники должны говорить на одном языке — языке права. В.А. Луков справедливо отмечает: практическое применение экспертизы как формы диалога общества и власти «начнется, когда диалог будет вестись на языке права, а значит, когда будет установлен правовой статус... экспертизы и определены процедуры ее проведения» [9, с. 115]. Текущее положение дел демонстрирует:

«Граждане не предлагают способов решения проблемы... так как сами не компетентны в данной сфере» [5, с. 294]. При ознакомлении с интернет-ресурсами, адресованными народной экспертизе, вызывает скепсис содержание подобного рода текстов: «Будьте народным экспертом! Чтобы обрести это гордое звание не нужно ни специальных знаний, ни дипломов. Нужны лишь стремление к справедливости, активность и неравнодушие» [10]. Народная экспертиза базируется на мнении граждан. «Рекомендации, которые мы получаем, также содержат и мнения граждан. И иногда нам, чиновникам, на своих рабочих местах кажется, что они не очень серьезны. Например, люди говорят, что в этом учреждении недостаточно ярко светит лампочка, а вот здесь холодно и дует» [11].

«До сих пор термин “народная экспертиза” не введен в научный оборот и не легализован на законодательном уровне» [5, с. 297]. Это не позволяет закрепить за субъектом народной экспертизы официальный статус, затрудняет отличие его от человека, высказывающего свое особое — экспертное — мнение, в некоторых случаях ни на чем не основанное.

В связи с этим автор статьи различает понятия «народный эксперт» и «эксперт из народа». Если отталкиваться от правового понимания перспектив развития народной экспертизы, то народный эксперт — гражданин, вовлеченный в экспертную деятельность в качестве ее субъекта, действующий в соответствии с установленными правилами. Народный эксперт, по аналогии с законодательно закрепленными положениями об общественной экспертизе [12], это эксперт от народа, его представитель, владеющий необходимыми компетенциями, отвечающими данному статусу. До установления правового статуса народной экспертизы употребление понятия «народный эксперт», по мнению автора статьи, некорректно. Сегодня народная экспертиза проходит апробацию посредством разрабатываемых и внедряемых на практике онлайн-площадок публичных коммуникаций; гражданина в указанном формате ее проведения уместно определять как участника народной экспертизы либо как эксперта из народа.

По содержанию принципиальное отличие между народной экспертизой как пространством публичных коммуникаций и пространством коммуникации в социальных сетях видится в том, что в первом случае она рассматривается как форма общественного контроля, а во втором — как форма социального влияния. Это отличие отражено и на терминологическом уровне, где участник народной экспертизы обозначается как гражданин, наделяемый гражданско-правовым статусом; житель определенной территории; обыватель в значении «обыкновенный человек», «агент повседневности», и поэтому причастный к «народному» [13, с. 90, 91].

Популяризация экспертного статуса, опубликование фигуры эксперта, актуализация роли общественного мнения привнесли в современный лексикон понятия, акцентирующие авторитет экспертного знания, значимость эксперта. На страницах интернет-пространства можно увидеть предлагаемые сценарии собственного публичного продвижения, одним из которых выступает модель «Эксперт» [14]. Создание и продвижение экспертного имиджа, наращивание символического и социального капитала становится новым медиатрендом.

Homo expertus — социокультурный феномен, который автор статьи связывает с интенсивным распространением экспертной культуры в описываемом В.П. Козырьковым контексте: «Участие экспертов в различных телепрограммах... стало уже чем-то привычным ... деятельность экспертов становится все более универсальной, и в повседневной жизни каждый из нас все время сталкивается с определенными формами экспертизы или сам становится экспертом. Таким образом, мы можем наблюдать, как экспертиза на наших глазах превращается в новую универсалию культуры и соответственно сама культура приобретает экспертный характер... регулируется... оценками экспертов, экспертным знанием» [15, с. 310]. Сегодня экспертная культура получает свое развитие за счет предоставляемых современной информационно-технологической средой возможностей использования интернет-коммуникаций, обмена информацией; развитые технико-технологические средства расширяют и делают доступными возможности участия в народном голосовании, оценках чего-либо, личных и групповых инициатив в различных сферах общественной жизни; открыты широкие (публичные) возможности для всех социальных категорий: от медиаперсоны до компетентного обывателя — знатока повседневности.

Феномен *Homo expertus* сложился в результате симбиоза популяризации общественного мнения и услугуцентрированного отношения к реальности со стороны граждан, трансформировавшегося из идеологии потребления *Homo economicus*. *Homo expertus*, пришедший на смену *Homo mercatorum*, успешно пользуется ценностным спросом на рынке мнений и услуг. Сегодня вокруг экспертного знания сосредотачиваются различные векторы маркетинговых и идеологических инициатив частного и публичного характера, использующих манипулятивные технологии и позиционные практики. Позиционирование — инструмент для продвижения чего-либо; создание нужного образа в головах целевой аудитории. В цифровых платформах публичной коммуникации Л.В. Минаева усматривает позиционные тактики: «самопрезентации... создания позитивного образа проводимой политики... демонстрации единства власти и граждан... стимулирования взаимодействия» между ними [4, с. 46].

Ю.А. Васерчук и Р.Г. Куденко, исследуя современные социокультурные условия искусствоведческой экспертизы, констатируют сложившуюся ситуацию: «Манипулируя зрительским вниманием, искусственно создавая активность, теша зрителя иллюзией собственной значимости, возводя мнение обывателя в ранг... экспертизы, музейные площадки обманным способом “получают” лояльность и доверие, завлекают зрителя в зеркальную комнату самолюбования» [7, с. 87].

2. Homo expertus publicus — «публичный эксперт», «популярный эксперт», «экспертocrat».

Как утверждает А. Ашкеров, термин «экспертocrat» был предложен им и описан в книге «Экспертocratия. Управление знаниями» [16]. Экспертocratия — это власть экспертов, объект познания социальной философии, изучаемый в контексте дискуссий «о составе различных властных акторов, включающих в себя представителей тех или иных слоев и групп» [17, с. 22]. Экспертocrat — чаще всего публичная фигура, провозгласившая себя либо именуемая экспертом как понятием, идентифицируемым с атрибутами авторитетности и значимости. В основу здесь заложено понятие «статусного» знания.

Власть — способность и возможность распоряжаться кем или чем-либо, оказывать воздействие посредством авторитета, воли, права и принуждения. Ю. Щербинина полагает: «Власть эксперта изначально основана... на умении формировать мнения и таким образом оказывать влияние на принятие публичных решений» [18]. Схожей позиции придерживается Я.С. Покровская: «Эксперт отделяет нужное знание от ненужного, и в этом состоит его власть — объявить что-то неважным и никчемным» [19].

Осмысление феномена экспертocratии в научных публикациях несет в себе смешение понятий «власть» и «влияние». Не любое влияние является властным. Существующие описания экспертocratа позволяют отнести его в большей мере к инструменту власти. С.А. Данилов пишет: «Для политической власти эксперты интересны только потому, что они способны формировать общественное мнение» [20, с. 99]. Схожую позицию занимает А.В. Никандров: «Эксперты — как бы мы их себе ни представляли, — по определению не обладают четко формулируемой ролью в политике... эксперт привлекается для того, чтобы дать какие-либо оценки, рекомендации, решить какие-либо задачи, поставленные не им лично, не вследствие своего свободного выбора» [21, с. 128]. Е.В. Казакова также подчеркивает очевидность вспомогательной роли экспертов в социально-политической жизни: «Российской политической власти нередко выгодно с помощью экспертных сообществ легитимировать те или иные свои решения, прикрываясь авторитетом ученых, экспертов, тех или иных экспертных структур» [22, с. 21]. Под экспертocratией К.Д. Попов полагает

«наличие особой страты высококвалифицированных специалистов, занимающихся... интеллектуальным обеспечением» управленческой системы [23].

Экспертократия — теоретический конструкт, приходящий на смену таким концепциям, как ноократия, технократия, меритократия, нетократия [24, с. 71]. Отмечается, что «на последних стадиях политической эволюции ... демократия будет заменена правлением экспертов... И это будет более эффективное правление, нежели правление при помощи избирателей и избранников народа, поскольку эксперты более талантливы, лучше образованны и более опытны в специальных вопросах» [17, с. 23].

Вместе с тем, по верному замечанию А.В. Нестерова, «в истории власть никогда не отдавалась и не бралась экспертами» [25, с. 283]. Термин «эксперт» становился удобным способом «прикрытия» в интересах власти абсолютно не связанных с экспертной деятельностью социальных групп и слоев. Так, модель «эксперты вместо интеллектуалов» получила распространение в США в XX столетии как «своего рода “установка” на “замену” интеллектуалов — экспертами, сведение интеллектуала к эксперту, навязывание интеллектуалам роли экспертов, им не свойственной и для них непонятной» [21, с. 128].

Понятие экспертократии появилось в научном знании в ответ на поиск более эффективных форм кратий, которые могли бы прийти, в частности, на смену технократии, а также внести вклад в модернизацию актуализируемой в последнее время демократии.

На не вполне удачную формулировку экспертократии как «пятой» власти указывает следующее.

Во-первых, продолжающийся поиск новых форм кратий. Как отмечает В.К. Егоров, «нам скоро придется — не исключено — столкнуться с открытием нового феномена, который... назовут менеджерократией» [26, с. 79]. Данное понятие пока неявно, но начинает завоевывать свое место в научном знании и на просторах интернет-сайтов в качестве возможной «шестой» власти.

Во-вторых, отсутствием четкого различия экспертократии как «пятой» власти от СМИ как «четвертой» власти, несущей на себе не только функцию информирования, но также манипулирования массовым сознанием. Понятие «четвертая» власть, отражающее весомое влияние СМИ на общество, является негласным, больше лирическим, чем научным. У СМИ нет реальных властных рычагов, они призваны отвечать интересам действующей власти. То же можно сказать и в отношении «пятой» власти.

В-третьих, отсутствием единого, принятого в науке понимания феномена экспертократии.

В-четвертых, непрозрачностью понимания, кто реально выступает в роли экспертократа. Есть предположения: «Это группа лиц, вырабатывающих для правителя необходимые совокупности методов для осуществления властных полномочий», которая «будет включать в себя не только политтехнологов, но и PR-специалистов, сотрудников пресс-служб, советников по отраслевым проблемам» [17, с. 25]. Возникает вопрос: не наблюдается ли подмена термина «эксперт» иными, не имеющими к нему прямого отношения социальными ролями? В.К. Егоров приходит к выводу, что экспертократия — это «подмена экспертов-профессионалов теми, кто объявил себя экспертом, кого в таковые назначили власти, крупный бизнес или же СМИ» [27, с. 6].

Внешне концепция экспертократии могла бы претендовать на свою связь с теорией нового класса Э. Гоулднера. Идеология нового класса основана на культуре критического дискурса, который сам по себе полагается ценностью [28]. Но экспертократы не вступают в диалог с народом, а производят «авторитетное» мнение для него.

Экспертократ — фигура, порожденная модой на экспертов, которая, в свою очередь, привнесена экспертной культурой, вошедшей в общественную жизнь под знаком Номо expertus как продукта современной эпохи, выращенного на фоне роста публичности и значимости — за счет расширения возможностей в сети Интернет, открытости информации — общественного мнения, а вместе с ним и авторитетного (экспертного) как инструмента управления обществом.

В массовом представлении экспертная культура — та, которая наполняется совокупностью условных экспертов, публично высказывающих свое мнение, дающих советы, комментарии. В массово-обыденном сознании эксперт — это знаток, мудрый оценщик, имеющий ответ на текущую социальную проблему. По мнению автора статьи, авторитет экспертократа имеет собирательную основу; она складывается из обобщенных представлений об эксперте как лице, которое пользуется уважением, имеет определенный «вес». Общество знания переориентировано сегодня с осмысления «проверенных... источников на популяризацию и распространение мнений поверхностного и тенденциозного характера». Отсюда знание принимает на себя «коллективный характер... и вследствие этого превращается в объект спекуляции» [29, с. 145]. «Доверие к эксперту — это нечто большее, чем просто характерное явление нашего сложного века. Оно необычайно возросло из-за нашего нежелания думать самим и брать на себя ответственность за то, что происходит вокруг нас» [21, с. 129]. Общество оказалось не готово в условиях открытости и подвижности информации, плюрализма мнений к осознанной и ответственной обратной связи. Оно негласно делегировало «полномо-

чия» по фильтрации информационных потоков и производству «особого» типа знания условному авторитету, что повлекло снижение порога критичности к самому знанию и перекладывание ответственности за его качество на публичных экспертов. Это создало благоприятную почву в лице *Homo expertus publicus* для превращения ценности знания в товар, в привлекательную услугу и обмена имеющегося у него информационного ресурса на поддержание собственного существования посредством различных манипулятивных приемов.

Экспертная культура, основанная на культуре ответственности [30], по мнению автора настоящей статьи, — достаточно высокая социокультурная планка, которая должна быть присуща цивилизованному обществу, и в своем существующем виде, где «наблюдается немотивированное присвоение экспертных статусов... позиционировать себя как эксперта в чем-либо становится актуально, престижно, модно» [18], заслуживает критического отношения. Отличительная черта современной экспертной культуры в том, что она строится на публичном позиционировании для привлечения внимания аудитории: участников онлайн-платформ, зрителей, слушателей и др. Эти популярные эксперты отличаются технологиями позиционирования своего образа, построенного на имиджевой привлекательности беспристрастности и объективности.

Становлению феномена *Homo expertus* способствовали, с точки зрения автора статьи, услугоцентрированный тип отношения к реальности и популярность сюжетов, не обязательно требующих специальных познаний, поставляемых на рынок мнений и услуг. Сегодня наблюдается модернизация укрепившейся в российской ментальности ориентации на потребление, распространившейся не только на товары, но также на знания и информацию. Управление знанием как вид услуги становится маркетинговой технологией успеха в различных сферах общественной жизни.

Общество знания «перевело» потребленческий идеал *Homo economicus* в услугоориентированное ресурсопотребление, включая знания и информацию. Фигура эксперта обретает в сложившейся системе социальных отношений знаковое положение; он не оказывает услугу в классическом понимании этого слова, так как нет прямого заказа на нее со стороны общества. Публичный эксперт — фигура услугопривлекательная и поэтому пользуется успехом. Он работает с актуальными темами, преподносит их в доступной форме, осуществляет услугу по предоставлению фильтрованного знания как само собой разумеющуюся.

Особенность экспертной культуры современности состоит в том, что она «выросла» не из культуры ответственности, а из идеологии потребления, где центральное место занимает потребитель предоставляемых ему благ и услуг. Девизом и движущей силой этой идеологии

выступает удобство потребления. Экспертная власть — произведенная обществом знания символическая власть, выступающая ответом на актуальные запросы информационного потребления. Наполняемая расширительными смыслами понятия «эксперт», сложившаяся экспертная культура слабо поддерживает статус ответственного лица, что негативно влияет на культуру потребления.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед российским государством сегодня, должно стать воспитание в гражданине культуры ответственности — как социальной, так и личной, что требует созидания соответствующей философии социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кривич Н.А., Никифорова Л.В. Культурологическая экспертиза: предыстория, современное состояние и перспективы развития. В сб.: *Материалы конференции «Пространство и бытие современной культуры: теоретические и прикладные аспекты исследования»*. Саратов, Саратовский источник, 2016, с. 17–26.
- [2] Колдин В.Я. Экспертиза и право. *Законодательство*, 1999, № 9. URL: <http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2015/03/2С-Экспертиза-и-право.pdf> (дата обращения 10.07.2022).
- [3] Лукьянова Т.М. «Народная экспертиза» как форма общественного контроля на территории Белгородской области. *Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика*, 2013, № 9, с. 78–82.
- [4] Быков И.А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций. *Журнал политических исследований*, 2021, т. 5, № 2, с. 45–56.
- [5] Ерыгина В.И. Народная экспертиза как фактор совершенствования механизма регионального правотворчества и государственного управления. *Юридическая техника*, 2022, № 16, с. 290–297.
- [6] Шмелева Т.В. Городская вывеска в свете культурологической экспертизы. В кн.: Рабош В.А., Никифорова Л.В., Кривич Н.А., ред. *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография*. Санкт-Петербург, Астерион, 2011, с. 276–285.
- [7] Васерчук Ю.А., Куценко Р.Г. Экспертная оценка произведений искусства в эпоху социальных сетей и Интернета. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, 2021, № 2, с. 86–90.
- [8] Оберемко О.А., Иванова И.И. Опыт совмещения трех методов агрегирования экспертных мнений. *Человек. Сообщество. Управление*, 2012, № 4, с. 4–21.
- [9] Луков В.А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе. *Знание. Понимание. Умение*, 2012, № 2, с. 114–118.
- [10] *Как стать народным экспертом*. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5321372/post368242752> (дата обращения 25.10.2022).
- [11] *«Народная экспертиза»: как и где можно оценить работу государственных учреждений*. URL: <https://gorod-plus.tv/article/50526> (дата обращения 27.10.2022).
- [12] Статья 22. Общественная экспертиза. *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/145c5d806eff5950082546cf676ba8b37dda9d5a/ (дата обращения 28.10.2022).

- [13] Батюта Е.А., Белоусова Е.В. Современный обыватель: три мира обычного человека. *Вестник Гуманитарного университета*, 2021, № 3, с. 90–100.
- [14] Как стать узнаваемым и известным экспертом. *Альянс Свободных Предпринимателей*. URL: <https://union-sp.ru/blog/kak-stat-uznavaemym-i-izvestnym-ekspertom/> (дата обращения 30.10.2022).
- [15] Козырьков В.П. Гуманитарная экспертиза в контексте культуры. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2007, № 2, с. 310–314.
- [16] Ашкеров А. Объявление. *LiveJournal*. URL: <https://ashkerov.livejournal.com/154431.html> (дата обращения 17.06.2022).
- [17] Равочкин Н.Н. Переход современного мира к экспертократии: социально-философский анализ. *Гуманитарные и социальные науки*, 2022, т. 90, № 1, с. 22–27.
- [18] Щербинина Ю. Экспертотократия: ремесло и промысел. *Нева*, 2011, № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/12/ekspertokratiya-remeslo-i-promysel.html> (дата обращения 16.05.2022).
- [19] Покровская Я.С. *Новое осознание роли специалистов в контексте современных гуманитарных исследований. Экспертотократия как одно из возможных направлений философии техники*. URL: <http://gosuprav.ru/PDF/06OGP113.pdf> (дата обращения 14.05.2022).
- [20] Данилов С.А. Эксперты мира сего и политические стратегии глобального общества. *Поволжский торгово-экономический журнал*, 2011, № 1, с. 95–101.
- [21] Никандров А.В. Влияние американских «экспертотократических» идей на культуру и политику Западной Европы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2015, № 1, с. 126–134.
- [22] Казакова Е.В. Экспертные сообщества современной России: политологический анализ. *Правовая политика и правовая жизнь*, 2011, № 1, с. 19–24.
- [23] Попов К.Д. Субъектное содержание современных хозяйственных и экономических отношений. *Философия хозяйства*, 2015, № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25913182_12854745.pdf (дата обращения 05.07.2022).
- [24] Рубцова М.В., Мартыянов Д.С., Мартыянова Н.А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика*, 2013, № 1, с. 69–74.
- [25] Нестеров А.В. Экспертотократия в России. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2014, № 41, с. 281–295.
- [26] Егоров В.К. Экспертотократия: за «четвертой властью» — «пятая», затем — «шестая»? *Государственная служба*, 2012, № 3, с. 75–80.
- [27] Егоров В.К. «Экспертотократия»: об институциональной сути явления. *Социология власти*, 2012, № 3, с. 5–12.
- [28] Gouldner A.W. *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*. New York, Seabury Press, 1979, 121 p.
- [29] Орлов М.О., Гаврилова А.С. Экспертное мышление в обществе знаний. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2017, № 8, с. 143–145.
- [30] Щеглов И.А. Роль студентоориентированного подхода в социализации экспертизы. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 4. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-4-735>

Статья поступила в редакцию 08.12.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Щеглов И.А. Homo expertus как социокультурный феномен современности. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-6-815>

Щеглов Илья Алексеевич — канд. филос. наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: shchia@mail.ru

Homo expertus as a modern socio-cultural phenomenon

© I.A. Scheglov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article raises the question of Homo expertus nature as a symbol of expert culture of modernity. The author's understanding of the phenomenon Homo expertus is presented, its constituent lines — Homo expertus ordinarius and Homo expertus publicus with their intrinsic groups of notions are distinguished. The conceptual and semantic content of the expansive interpretations of the term “expert” is analyzed. The difference between the concepts “expert of the people” and “people's expert”, the meaning of the word “expertocrat” is presented. The author's view on the phenomenon of Homo expertus, which emerged as a result of the symbiosis of popularization of public opinion and service-centered attitude to reality on the part of citizens, transformed from the ideology of consumption Homo economicus. The state of modern expert culture, in which Homo expertus successfully enjoys the value demand on the market of opinions and services, is characterized. It is concluded that the current expert culture weakly supports the status of the responsible person.

Keywords: *Homo expertus, Homo expertus ordinarius, Homo expertus publicus, expert of the people, people's expert, expertocrat, expert culture, knowledge society*

REFERENCES

- [1] Krivich N.A., Nikiforova L.V. Kulturologicheskaya ekspertiza: predystoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Cultural expertise: background, current state and prospects of development]. In: *Materialy konferentsii “Prostranstvo i bytie sovremennoj kultury: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya”* [Materials of the conference “Space and being of modern culture: theoretical and applied aspects of research”]. Saratov, Saratov Source Publ., 2016, pp. 17–26.
- [2] Koldin V.Ya. *Zakonodatelstvo — Legislation*, 1999, no. 9. Available at: <http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2015/03/2C-Экспертиза-и-право.pdf> (accessed July 10, 2022).
- [3] Lukyanova T.M. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika — State and Municipal management in the XXI century: Theory, Methodology, Practice*, 2013, no. 9, pp. 78–82.
- [4] Bykov I.A. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy — Journal of Political Studies*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 45–56.
- [5] Yerygina V.I. *Yuridicheskaya tekhnika — Legal Technology*, 2022, no. 16, pp. 290–297.
- [6] Shmeleva T.V. Gorodskaya vyveska v svete kulturologicheskoy ekspertizy [City signage in the light of cultural expertise]. In: Rabosh V.A., Nikiforova L.V., Krivich N.A., ed. *Kulturologicheskaya ekspertiza: teoreticheskie modeli i prakticheskij opyt: kollektivnaya monografiya* [Cultural expertise: theoretical models and practical experience: A collective monograph]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2011, pp. 276–285.

- [7] Vaserchuk Yu.A., Kutsenko R.G. *Akademicheskij vestnik Ural NII proekt RAASN — Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN*, 2021, no. 2, pp. 86–90.
- [8] Oberemko O.A., Ivanova I.I. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie — Human Community. Management*, 2012, no. 4, pp. 4–21.
- [9] Lukov V.A. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, 2012, no. 2, pp. 114–118.
- [10] *Kak stat narodnym ekspertom* [How to become a national expert]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/5321372/post368242752> (accessed October 25, 2022).
- [11] “*Narodnaya ekspertiza*”: *kak i gde mozžno otsenit rabotu gosudarstvennykh uchrezhdenij* [“National expertise”: how and where you can evaluate the work of public institutions]. Available at: https://gorod-plus.tv/article/50526_ (accessed October 27, 2022).
- [12] Statya 22. Obschestvennaya ekspertiza [Article 22. Public expertise]. *KonsultantPlyus* Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/145c5d806eff5950082546cf676ba8b37dda9d5a/ (accessed October 28, 2022).
- [13] Batyuta E.A., Belousova E.V. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta — Bulletin of the Humanities University*, 2021, no. 3, pp. 90–100.
- [14] *Kak stat uznavaemym i izvestnym ekspertom* [How to become a recognizable and well-known expert]. *Alyans Svobodnykh Predprinimateley. Blog (union-sp.ru)* Available at: <https://union-sp.ru/blog/kak-stat-uznavaemym-i-izvestnym-ekspertom/> (accessed October 30, 2022).
- [15] Kozyrkov V.P. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo — Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 2007, no. 2, pp. 310–314.
- [16] Andrej Ashkerov. Obyavlenie [Andrey Ashkerov. Announcement]. *LiveJournal* Available at: <https://ashkerov.livejournal.com/154431.html> (accessed June 17, 2022).
- [17] Ravochkin N.N. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki — Humanities and Social Sciences*, 2022, vol. 90, no. 1, pp. 22–27.
- [18] Scherbinina Yu. *Neva — Neva*, 2011, no. 12. Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/12/ekspertokratiya-remeslo-i-promysel.html> (accessed May 16, 2022).
- [19] Pokrovskaya Ya.S. *Novoe osoznanie roli spetsialistov v kontekste sovremennykh gumanitarnykh issledovanij. Ekspertokratiya kak odno iz vozmozhnykh napravleniy filosofii tekhniki* [New awareness of the role of specialists in the context of modern humanitarian studies. Expertocracy as one of the possible directions of the philosophy of technology]. Available at: <http://gosuprav.ru/PDF/06OGP113.pdf> (accessed May 14, 2022).
- [20] Danilov S.A. *Povolzhskiy torgovo-ekonomicheskij zhurnal — Volga Trade and Economic Journal*, 2011, no. 1, pp. 95–101.
- [21] Nikandrov A.V. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura — The Caspian region: Politics, Economy, Culture*, 2015, no. 1, pp. 126–134.
- [22] Kazakova E.V. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn — Legal Policy and Legal Life*, 2011, no. 1, pp. 19–24.
- [23] Popov K.D. *Filosofiya khozyaistva — Philosophy of Economy*, 2015, no. 4. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25913182_12854745.pdf (accessed July 05, 2022).
- [24] Rubtsova M.V., Martianov D.S., Martianova N.A. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2013, no. 1, pp. 69–74.

- [25] Nesterov A.V. *The Soviet and Post-soviet Review — The Soviet and Post-soviet Review*, 2014, no. 41, pp. 281–295.
- [26] Egorov V.K. *Gosudarstvennaya sluzhba — Civil Service*, 2012, no. 3, pp. 75–80.
- [27] Egorov V.K. *Sotsiologiya vlasti — Sociology of Power*, 2012, no. 3, pp. 5–12.
- [28] Gouldner A.W. *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*. New York, Seabury Press Publ., 1979, 121 p.
- [29] Orlov M.O., Gavrilova A.S. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of Theory and Practice*, 2017, no. 8, pp. 143–145.
- [30] Scheglov I.A. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin*, 2021, no. 4. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-4-735>

Scheglov I.A., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: shchia@mail.ru